

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. С. ГОНЧАРОВА с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ

Публикация П. Г. Рындзюнского

В русских революционных кругах шестидесятых годов была широко распространена идея необходимости объединения всех оппозиционных элементов, в частности установления контакта со старообрядцами, для подготовки революционно-демократического натиска. В 1862—1864 гг. в практическом разрешении этой задачи приняли участие Герцен и Огарев, вступившие в непосредственные сношения с главарем наиболее влиятельной группы старообрядцев, проживавших в Добрудже, которая находилась тогда под владычеством Турции, — казаком-некрасовцем Осипом Семеновичем *Гончаровым* (он же Гончар, или, по его личной подписи, Осип Ганьчеров; род. ок. 1793 — ум. 1880). Некрасовцы — русские казаки, предки которых выселились за границу во время подавления восстания Кондратия Булавина в 1708 г. Гончаров родился в Турции, в казачьем поселении Кара-Бурну; одно время он вместе с частью некрасовцев жил в России, на территории Бессарабии, затем опять переселился в Турцию.

Главенствующее положение Гончарова среди добруджских поселенцев было связано с его материальным достатком, способностью к ведению дел казацкого общества, а также умением приспособляться к властям и влиятельным лицам в Турции. «Русское себе на уме, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человека, привыкшего с детских лет к полному бесправию и к соседству сильных врагов, долгая жизнь, проведенная в борьбе, в настойчивом труде, в опасностях, — все это так и сквозило из-за мнимо простых черт и простых слов седого казака», — так записал впоследствии Герцен свое впечатление о Гончарове в Лондоне (XIV, 408).

Оказывая помощь и содействие врагам России и русского народа — турецким властям, польской монархо-аристократической эмиграции и французским дипломатам, Гончаров добился их расположения. Во время Крымской войны он, по заданию состоявшего на службе Турции польско-украинского националиста М. И. Чайковского (Садык-паши), сформировал отряд из казаков в помощь Турции и впоследствии выполнял задания турецкой администрации, имевшие враждебный по отношению к России характер. Гончаров отличался чрезвычайной ограниченностью политического кругозора: все его поведение определялось узкими потребностями религиозной группы, к которой он принадлежал. «В сущности для него было все равно, — писал о Гончарове Герцен, — он пошел бы равно (...) с Россией и с Турцией, лишь бы это было выгодно для его некрасовцев» (XIV, 409). Для Герцена, как и для других русских революционеров, осталось тайной, что Гончаров был связан и с представителями царского правительства: получаемые им письма от русских эмигрантов он представлял русскому консульству в Измаиле (XVII, 282—285).

Сношения Герцена и Огарева с Гончаровым не ограничивались перепиской. От их имени вел переговоры с Гончаровым В. И. Кельсиев (см. отчет об этих переговорах в публикуемых ниже письмах Кельсиева к Герцену и Огареву).

В «Былом и думах» описана и личная встреча Герцена и Огарева с Гончаровым, приехавшим по их приглашению в Лондон 14 августа 1863 г. и прожившим в доме Герцена почти неделю (XIV, 407—409).

Из всей переписки Герцена и Огарева с Гончаровым до сих пор было известно только два письма их к Гончарову — от 10 марта и 4 июня 1864 г. (XVII, 131—135,

280—282). Ни одного письма Гончарова к Герцену и Огареву известно не было, хотя некоторое представление об этих письмах можно было получить из краткой характеристики их в «Былом и думах».

Теперь материалы о сношениях Герцена и Огарева с представителем зарубежного старообрядчества пополняются, прежде всего, одним важным документом — письмом-памяткой, адресованным Гончарову. Письмо это не имеет подписи и написано неизвестной нам рукой, но из содержания письма видно, что автором его был один из тех, кто посвящал Гончарова в программные установки русской революционной демократии и принадлежал к видным участникам и организаторам революционного движения. Публикуемый документ из «пражской коллекции», как можно думать, является копией с не дошедшего до нас оригинала. Из возможных авторов этого письма-памятки естественнее всего остановиться на Огареве на том основании, что, во-первых, именно ему особенно была близка идея революционной агитации среди старообрядцев, и, во-вторых, письмо это резюмирует основное содержание тех статей и обращений к старообрядцам, которые публиковались в «Общем вече» его главным редактором—Огаревым. Сама форма этого письма, с отсутствием в нем обычных при заочных сношениях людей, уже лично знакомых друг с другом, вводных (кроме обращения) и заключительных слов, наталкивает на мысль, что письмо это, имеющее заголовок «Памятный листок», резюмировало лондонские беседы с Гончаровым и было вручено ему по окончании переговоров. Указанные соображения позволяют предположительно датировать это письмо-памятку августом 1863 г.

Необходимость письменного закрепления того, что Гончаров должен был усвоить сам и передать от имени русской революционной эмиграции другим старообрядческим деятелям, вытекала из той особенности Гончарова, которая была подмечена В. Кельсиевым, а именно, что он очень трудно и непрочно усваивал общие и сколько-нибудь сложные понятия, выходящие за рамки старообрядчества.

Из вновь публикуемых писем Гончарова Герцену и Огареву два, отправленных им из Марселя, написаны незадолго до его приезда в Лондон; в них запечатлены его колебания относительно этой поездки (см. о ней в письме В. И. Кельсиева от 11 июня/30 мая 1863 г., публикуемом в настоящем томе, и его «Исповедь»—«Пит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 368—369). Интересны в этих письмах замечания Гончарова о его попытках пропагандировать необходимость союза старообрядцев с русскими революционерами. Письма Гончарова показывают, насколько В. И. Кельсиев в своем первом письме из Турции преувеличивал степень подготовленности Гончарова для политической работы совместно с революционной организацией и как прав был Герцен в своем настороженном к нему отношении.

Основное содержание последних двух писем — описание трений между Гончаровым и Кельсиевым в связи с отказом Гончарова содействовать устройству русской типографии в Константинополе, а также по поводу подачи адреса Александру II от имени зарубежных старообрядцев. Письма относятся к зимним и весенним месяцам 1864 г.: именно с этого времени дошедшие до нас материалы переписки становятся двусторонними. Однако общение Герцена и Огарева с Гончаровым не могло быть продолжительным: верхушка зарубежного старообрядчества вскоре открыто выразила свое отрицательное отношение к освободительному движению.

В семидесятых годах Гончаров несколько раз приезжал в Россию, а в 1879 г. он получил разрешение правительства вернуться на родину и поселился в городе Хвалынске.

Письма Гончарова, написанные «каракульками семнадцатого столетия» (XIV, 407) и совершенно неграмотные, приведены в соответствие с современными орфографическими нормами. Отдельные характерные особенности правописания и лексики Гончарова, впрочем, сохранены. См. на стр. 73 настоящего тома воспроизведение автографа письма Гончарова от 21/9 июня 1863 г., дающее полное представление об «орфографии» всех его писем.

Письма печатаются по автографам и рукописной копии «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 77 и 207).

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ

(Марсель. 21/9 июня 1863 г.)

Его сиятельству господину Герцону ¹.

Прошу, ваше сиятельство, у вас извинения, что я осмелился написать вам краткое уведомление. Имел я счастье видеться Василием Ивановичем, господином Кельсием, и некоторые слова у нас происходили для усево странствующего миру по всему шару земном ², и он мне, ваше сиятельство, объяснил о вашем усердии и попечении о мире предлагаемом ³, но мир мало понимает свою пользу, и я также занимался самыми этими делами для мирской пользы, но, слава богу, стали помаленьку молодой народ узнавать свои ошибки, но мне самому хотелось ваше честное лице видеть и целовать честную десницу вашу, но только, ваше сиятельство, объясню вам свое намерение первое, что мы люди маломощные, а туда надо иметь издержки ⁴. Но только прошу вас всепокорнейше, ваше сиятельство, не откажите своей предражайшей в любви и усердия своего, уведоьте мене своим письменным честным начертанием у город Марсель, и я вам посылаю письмецо г. Кельсия ⁵, только прошу убедительно первой почтой уведоьте мене непременно, я ожидать буду ежеминутно. Ваш покорный слуга навсегда Осип Ганьчеров сыном своим Софроном Осиповичем земно кланяюся и завочно целую честной зрак лица вашего. По адресу посылайте у Марсель на Филиппа Долина с передачею Гонечерову.

Месяца июня 9 числа

Марсель

Другим почерком:

9/21 juin 1863

Mon adresse:

Chez Philippe Dollin, Commissionnaire. Rue Sainte, 25.

¹ По поводу обращений Гончарова к Герцену, как к «его сиятельству», «графу» и «князю», не только в письмах, но и в устных беседах, между ними состоялся следующий разговор, переданный в «Былом и думах»: «С чего же, Осип Семенович, вы выдумали меня называть графом?». — «А Христос тебя знает, как величать; ты, небось, в своем деле во главе стоишь. Ну, а я — того, человек темный, ну и говорю: граф, т. е. сиятельный, т. е. голова» (XIV, 408).

² Имеются в виду сторонники преследуемых вероучений, вынужденные из-за гонений жить за рубежом.

³ О содержании своих бесед с Гончаровым В. И. Кельсиев подробно рассказал в письме от 11 июня/30 мая 1863 г., публикуемом в настоящем томе.

⁴ Ссылка Гончарова на недостаток средств для поездки в Лондон была лишь предлогом, чтобы скрыть действительные причины колебаний по поводу вступления в сношения с Герценом. Поездка Гончарова во Францию, по уверению Кельсиева, была связана с его коммерческими делами.

⁵ Письмо В. И. Кельсиева Герцену от 11 июня/30 мая 1863 г., публикуемое в настоящем томе.

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ

(Марсель. 30/18 июня 1863 г.)

Его сиятельству Герцону из братими вашими. Желаю я вам, от искренней моей любви усердия моего, о Христе радоваться навсегда и пребывать вам у мире и любви нелицемерном и у тишине небурной, и желаю вам многолетнего здравия на неисчислимые лета. И при сем объясню вам: пущенное письмо ваше ¹ получил я справно и распечатывал, и прочитал, и облобызал вашей честной руки начертание и рассматривал ваше почтение и усердие о своем отечестве, но только

ЕТО СНАТЧЕЛСТВО ТРОСТРОИВЪ
ГЕРЦЮНЪ ПРОШЪ ВАШЕ СНАТЧЕЛ
СТВО ЧТОБЪ ИЗЪВЕНЕНА ЧТО А
ОСМЕЛНЛСА НАПИСАТЬ ВАМЪ
КРАТКОЕ ЧУБДОМЛЕНІЕ НИМЪ
А ЧАСТІА ВНАУДЪ ВАСНУКЕМЪ
КВАНОВЕННМЪ ТРОСТРОИМЪ ІЗЕЛЪ
СНЕМЪ ИНЕКОТОРОИ СЛЪБЪ ЧНАСЪ
ПРОСКРАНИН АЛА ЧСЕВО СТРАНИ
ПРЪДЮЩЕВЪ МНРЪ ТОВЪСЕМОШЪ
РЪ ЗЕМНОМЪ КОМЪ МНЕ ВАШЕ СНА
ТЧЕЛСТВО ОБЪЕСНИМЪ ОБЪШШМЪ
ЧСЕРЬАКИ ИТОПЕЧЕНІИ ОМІРІИ
ПРИИМАЕМОМЪ НОМІРЪ МНО
ПОНИМАЕТЪ СВОЮ ПОЛЪЗЪ НА ТЪ
КЪАКЕ ЗАНИМАЕМСА САМАМИ ЕТІИМІИ
АВЛОМІИ АМЪ МНРЬСКОИ ПОЛЪЗЪ НОСЛЪБЪ
ЕТЪ СТЪЛИИ ПОМОЛЕНЪМЪ МОЛОРОЖИРО
АЪ ЧУДОБАТЬ СВОИ ОШНВЪІИИ НОМІЕ
САМАМЪ ХОТЕЛНСА ВАШЕ ЧЕСНОЕ ЛІЦЕ БНАИ
ТЬ ИЩЕВОЕТИ ЧЕСНДЮ АЕСНЦЪ ВАШЪ

НОТОЛКО ВАШЕ СНАТЧЕЛСТВО ОБЪЕСНИ ВАМЪ
СВОЕ НАМЕРЕНІЕ ПЕРВЕ ЧТО МЫ ЛЮДИИ МОЛОМЪ
ЧУМЫИ А ТЪДА ЧЕМО ИМЕТЬ ИЗЪЧЕРЫШЕНІИ
НОТОЛКО ПРОШЪ ВАШЕ ВСЕ ПОВОРЪНИКЪ БОШЕ
СНАТЧЕЛСТВО НЕО ТЪКЪАЖЕ СВОИИ ПРИАРАЖЕ
ШНИ ВЪЛНБЕ ИЧЕРЬАКИА СВОЕГО ЧУБДОМЪ
ТЪ МЕНЕ СВОИИИ ПИСМЕНОВЪ ЧЕСНЫМЪ НАЖЕ
ЧАННЕМЪ ЧТОРОДЕ МЕРЬСЕЛЪ НА ВАМЪ ПОСЪ
АМО ПИСМЕЦЪ ТЪ КЕЛЕСНА ТРОЛКО ПРОШЪ ЧУБДИ
ТЧЕЛНО ПЕРЬВАН ПОЧЕТОИ ЧУБДОМЪ ЧЕ ВЕНЕ
НЕПРАМОНО А ОЖИДАТЬ БЪДЪ ЕЖЕ МНІИТЪ
ВАШЕ ПЕКОРНЫИ СЛЪБЪ НАЧЕВЪСЕЦЪ ОМІРЪ
ПАНЪ ЧЕЛОВЪ СНАНОМЪ СЪОМЪ СЪАРОНОМЪ
ОСКОПОВЕННМЪ ЗЕМНОКЪМІИМЪСА НАЧЕВОЧНО
ЧЕДЕТЬ ЧЕСНОКЪ ЗНАЧЪ АИЩЕ ВАШЕТО ПОМОДЕ
СЪ ПОСЫЛАТЕ ЧМОРХЕЛЪ НА СІИИ АРАМІИ
СТІРАЖИНО ТОНЕНРЪМЪ МЕСЕЦА НОМЪ НІ ЧАСА

МЕРЬСЕЛЪ 21 June 1863

Mon cher

Chez
Monsieur Dollin
Rue Sainte 25

более надо полагать на судьбу и на промысл божий, что он не оставит нас, страждущих, своим святым промыслом; надо терпеть, а не отчаиваться. А это пишете, что еще у феврале месяце писали ко мне,—то я не помню, получал или нет, потому что много из разных мест получаю письма, можа и забыл, усеве не припомню. А ехать мне у Лондон, верно, не придется, потому—наследник мой упрашивает мене, что скучится без мене, а уторое—издержки лишние; но только прошу покорно вас уведомить мене обратно письмом. Я еще пробуду у Марселе дней пятнадцать, на фатере той же стою.

При сем остаюся вашею слугою

О. С. Г.

Благополучен месяца июня тридцатого числа по-европейски.

Только прошу покорно, пишете попростее, а то трудно разобрать вашу руку; что ниже писано было — где Огарев — это лучше разберу.

На обороте другим почерком:

Mon adresse: Osip Gancharoff. Chez Ph. Dollin. Rue Sainte, 25. Marseille.

¹ Письма Герцена и Огарева к Гончарову, о которых говорится в этом письме, нам не известны.

3

ОГАРЕВ (?) — ГОНЧАРОВУ

(Лондон. Август 1863 г.) 1

Другу нашему Осипу Семеновичу

Памятный листок

1) Надо нам сообща приложить все старания о созвании старообрядческого Собора.

2) Надо учредить между нами правильную переписку.

3) Надо, чтобы московские и иные старообрядцы присылали все сведения, которые они желают, чтобы были напечатаны, и таким путем, чтобы мы знали, что все присланное нам достоверно.

4) Людей, вами рекомендованных, — мы, а людей, нами рекомендованных, — вы и все ваше в России и вне России живущее общество будете принимать братски и посильно оказывать им всякую помощь.

5) С обществом «Земли и воли», имеющим целью свободу веры и выборное управление, через нас в сношение входить по нашему обоюдному усмотрению, когда нужно.

6) Для усиления общества нашего мы просим старообрядцев участвовать в денежном сборе, хотя бы самым малым размером: 1) на помощь гонимым и ссыльным, 2) на поддержание взаимных сношений через посылаемых людей. Общество, с своей стороны, будет везде поддерживать и оказывать помощь гонимым старообрядцам.

Я не прочь от мысли, чтобы у вас при Старообрядческом обществе был учрежден особый сбор для помощи политически гонимым и ссылаемым, а при обществе «Земли и воли» особый сбор для помощи гонимым и ссылаемым старообрядцам. Учредив это, мы друг другу сообщим о том, что сделано, и да послужит наше взаимное пожертвование к основанию нашего союза.

7) А союз наш следующий:

То число людей из дворян, которые считают свое сословие отдельно от народа за общий вред и по выборам в Земское управление и по имущественным правам, никакой отлички между собой и народом не признают, то число людей, соединясь между собой, братски соединяется и со всеми

людьми, жаждущими свободы веры и за веру гонимыми, ради того, чтобы совокупными усилиями достигнуть до созвания Земского собора, который признает свободу веры и выборное управление сел и городов.

¹ Основания для предполагаемой датировки приведены во введении к публикации.

4

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(Константинополь. 2 февраля 1864 г.) ¹

Ваше сиятельство, пречестнейший князь Александр Иванович, желаю вам всех благ. При сем прошу вас, извините меня за долговременное мое к вам неизвещение об наших обстоятельствах, потому что я нахожусь по всяк час в великом беспокойствии, до того, что мало и в доме бываю, ибо по вашему же наставлению я обсудил в кругу своих достопочтеннейших лиц написать о веротерпимости российскому государю-императору, которое письмо подал я чрез константинопольского посланника, но, к несчастью моему, не имел при себе чернового письма, дабы мог предъяснить вашему агенту Кельсиеву, который, благодаря его бесчеловечной совести, что сумел было заплатить за добро злом. Извольте рассмотреть, что в нем написано противное; он же, не зная содержания его, обратился к Садык-паше ² и прочим большим начальникам, к которым мы же обрекомендовали его как человека честных правил, и напустил их, что будто бы я написал против поляков, а притом же будто бы совращаю задунайских переселиться в российское верноподданничество ³, предлагая им, чтобы послали к нам следственную тайную комиссию, которая бы исследовала секретно во всех добруджских жителей о всех моих действиях, и не окажется ли кто-либо уличить меня хотя какими бы то ни было злоумышленностями; конечно, что кто более за мир прилагает старания, тому всегда бывает более враждебных людей; тем еще более сам он изъявил согласие быть членом в следственной комиссии; наделали кутерьмы по всему Цареграду.

Где же у него совесть, что мы ему оказывали пособие во всех нужных случаях, а он в знак благодарности приискивал случая вовсе разорить меня при старости лет, огорчился, что мы до сего время не успели устроить типографии, в которой они могли бы поместить себя ⁴. Вашему сиятельству известно, что эта вещь легко устроена быть не может, и я всегда ему объявлял, что нужно прежде всего сделать союз в народе и собрать капитал, потом и дело начинать по порядку, а не вдруг; они же, я и сам не знаю за что, начали наносить таковые злоумышленности раздражительные в главных турецких министрах, которых я во всю жизнь мою не думал иметь над собою, — оболгали меня изменником государства. Только, к счастью моему, судьба всевышнего бога возбудила в сердце моем нечаянную мысль — в последних числах ноября месяца отправиться в Константинополь; прибыв на место, дознал, что сделано в Порте ужасное волнение против жизни моей, обратился я к г. Кельсиеву, и он объявил мне, что довольно знает, насколько вознегодовала на меня турецкая власть; советовал мне обойти всех с визитами и предлагая, чтобы я извинился пред ними; спасибо ему за ласку, когда вовсе не признаю себя виновным.

Ваше сиятельство, тяжело, скорбно показалось переносить таковые неудовольствия напрасно. Но как я знаю по чистой своей совести, что никто меня в том уличить не может, отправился к Садык-паше, который с первых слов начал упрекать меня, что будто бы я был в Санкт-Петербурге лично у государя и много тому подобными словами оговаривался

со мною; наконец видит, что не сделано мною против Турции никаких вредных поступков, тогда начал предлагать мне, чтобы я написал от себя просьбу великому визиру и попросил бы его, чтобы дозволил г. Кельсиеву производить следствие между добруджскими жителями. Конечно, что я, не предчувствуя за собою ничего вредного, а притом же вижу, что Кельсиев вовсе изгибает без куска хлеба, не желая отместить за его возмущение, и тот же день написал кому следует, чтобы было поручено ему сделать следствие. И как только объявил ему Садык, что он назначен следователем, то он, не ожидая письменного поручения, поспешил отправиться в Тульчу, а за неимением чем расходовать до Тульчи, вынужден был я помочь ему 300 пиастров⁵, а к тому один из русских церковных служителей сделал подбор в миссии русской и у константинопольского и варновского русских консулов в помощь русского семейства, собрал еще 15 турецких лир⁶, и отправили его с семейством в Тульчу 7-го числа декабря месяца. По отправке его ужасно удивила меня его константинопольская невоздержная жизнь; сколько он израсходовал денег, будучи один человек, боже, боже мой, кто бы не удивился — словно он с хлебом их поедал. Было выслано ему из Москвы чрез Тульчу 185, и занял он у русского (*1 нраб*) 2600 пиастров и у одного доктора 500 пиастров, получил от поверенного вилковского⁷, у которого был иногда за торжемана и переписал по-французски несколько бумаг, 10722 же от польского агента Иордана — от 6000 до 7000 левов⁸, не уплатил старой хозяйке, где жил и питался, 3000; в настоящее время откель выехал и оставил ящик с некоторыми мелочами, не заплатил хозяину 1500 левов. А кроме того, еще и на стороне есть достаточное число долга, чего я подробности описать не могу. Но желаю вам всего лучшего благопоспешения. Затем посылаю сердечно искренний поклон Николаю Платоновичу Огареву и супруге его, Наталье Алексеевне.

Благодарю вашу милость за ваших добросовестных агентов, которые, много сочувствуя оказанной им добродетели, выдумали возмущать правительство, которое всегда ближе расположено к нам, нежели к ним, и мы, надеясь на бога, что никогда не может лжа пограть истины.

Оставайтесь благодаря бога живы и здравы в благополучии.

После этого усею пишу от горести и досады моей его сиятельству Александру Ивановичу и Николаю Платоновичу свое несчастное изнурение через Василия Ивановича, только нехай ему бог воздаст свое воздаяние на оном свете, только богом вас прошу не пустить сие дело у свет, чтобы оно у вас, это дело, и умерло. Василий Иванович у нас у Тульче находится теперь, но хотя оно для меня и худо, пожалуй, но я ему добра желаю — выслал ему муки и прочего по силе моей, но только успехи его плохие — сам не видал, а (от) прочих слышал, что стал пьянством ошибаться. Я писал садразану⁹, чтобы он выдал ему бумагу для узнания секретных дел — это делал для его Алифон¹⁰ банкир и Садык-паша, и мне приказали, чтобы я писал садразану, от имени моего, я так и сделал; они его секретно послали, чтобы узнавал, усе дела им доносил, а он огласил другим порядком. Алифон и Садык-паша недовольны остаются, им только спросить у Алифона и у Садык-паши об нем и обо мне, хотя они со мною года два у спору были, только прошу покорно узнать от них мою верность и справедливость, а это я удивляюсь, сколько он денег у один год провел у Цареграде, много остался должен — или вам он высылал? Дивиться надо, сколько он денег провел у один год.

Господа вы мои милые, посылаю я вам адрес, что я в Россию подавал — можа, и ошибка есть, рассмотрите, что у мене сколько разуму стало, так и писал, а Василий Иванович у другом смысле туркам показал, только бог с ним, я с вашего позволения писал о терпимости веры, а он

О. С. ГОНЧАРОВ

Гравюра И. И. Матюшина
с рисунка П. Ф. Бореля
«Русская старина», 1883, № 4

обратил у другую сторону; я, слава богу, усе начальство турецкое принимает мене с уважением. Это усе оставим, только земно усем вам кланяюся и завочю целую чесные главы ваши и Наталии Алексеевне з детушками вашими кланяюся, и сыну Герцанову кланяюся. Еще прошу покорно засвидетельствовать мое почтение их сиятельству Петру Владимировичу Долгорукову. При сем прошу у вас у всех прощения (и) извинения, что я по-мужицки вам пишу.

При сем остаюся ваш покорный слуга навсегда

О. С. Г.

Месяца февраля 2 числа
Царьград

Только буду ожидать вашего чесного ответа нетерпеливо.

¹ Большая часть письма, до абзаца «После этого усего», написана другой рукой, вероятно, под диктовку Гончарова.

² *Садык-паша*—М. И. Чайковский, эмигрант, из польских помещиков на Украине; состоял в то время на турецкой службе (см. о нем ниже, на стр. 187). Гончаров находился в долговременной связи с Чайковским и пользовался через него покровительством турецких властей. Инцидент Гончарова с В. И. Кельсиевым и турецкими властями по поводу подачи задунайскими старообрядцами адреса Александру II описывался В. И. Кельсиевым по-другому (см. «Исповедь», стр. 371—373, и письма В. И. Кельсиева Герцену и Огареву, публикуемые в настоящем томе).

³ Дело по «прошению атамана Гончарова о дозволении казакам, живущим в Добрудже, перейти в Россию» рассматривалось русским правительством еще в начале 1861 г. (см. «Собрание постановлений по части раскола», СПб., 1875, стр. 579 и 582).

⁴ О неудачах с организацией в Константинополе русской типографии для печатания революционных прокламаций и другой литературы см. в публикуемых в настоящем томе письмах И. И. и В. И. Кельсиевых, а также в «Исповеди» В. И. Кельсиева (цит. изд., стр. 369—370). Ближайшей причиной неудачи был недостаток денег, но наибольшее влияние оказало, конечно, скрытое нерасположение к революционному делу со стороны старообрядческой верхушки, от которой в значительной мере зависела организация типографии.

⁵ *Пиастр* — турецкая монета, одна сотая часть лиры.

⁶ *Лира* — турецкая монета.

⁷ *Поверенный* крестьян села Вилково, Семен Ильич Васильев. О нем и «вилковском деле» см. в «Исповеди» В. И. Кельсиева (цит. изд., стр. 368) и в его письмах в настоящем томе.

⁸ *Лев* — болгарская монета, имевшая хождение в Турции.

⁹ *Садразан* — высший государственный чин в Турции.

¹⁰ *Алеон* — турецкий банкир, по национальности француз; был в тесных отношениях с французскими дипломатами и польской дворянско-аристократической эмиграцией. См. о нем в «Исповеди» В. И. Кельсиева (цит. изд., стр. 381—382) и в его же статье «Польские агенты в Цареграде» («Русский вестник», 1870, № 1, стр. 269).

5

ГОНЧАРОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(Дер. Журиловка, Добруджа. 24 мая 1864 г.)

Его сиятельству Александру Ивановичу и Николаю Платоновичу с усерию честными семействы вашими, желаю вам от истинной моей любви и усердия моего. Искренно и любезно кланяюсь и завочно начертанный и честный зрак лиц ваших целую и желаю вам многолетнего здравия на неисчислимые лета и в делах ваших — благих, и скорых, и счастливых успехов, и при сем изъясню вам: пущенное письмо ваше через г-на Жуковского¹ получил я справно и облобызал и сломил печать и прочитал любезно и усе ваши писанные слова положил у своем сердце. Мне неразумие, что адрес, мною писанный, не сообразителен с вашим высоким разумом: я писал, я думал, что привлечь царя во смирение, а вы пишете ко мне, что писано не по хорме, но прошу за это извинения. Только пишете, что вам позволить написать черновой адрес и прислать ко мне, то прошу покорно выслать ко мне, только пишете поразвязней, а то трудно прочитывать, ибо мы мало учены разным рукам писанию, а за Василия Ивановича пишете — я ему письмо ваше давал читать; а за дела его не могу сказать, только он на кунаке² у апаши завсегда бывает и с нами хорошо обходится. Упередь была ошибочка, по судьбой божией прошло, а это пишете, что российские старообрядцы лондонских издателей «Колокола» клябе предают; нам этого неизвестно. У нас на вербной неделе был казанский епископ Пафнутий³ и архидьякон белокриницкий Филоредь⁴, и были они у Василия Ивановича и много разговаривали обо всем, а за что — неизвестно нам.

Еще посылаю низкий поклон его сиятельству Петру Владимировичу Долгорукову и Наталии Алексеевне и малюточке вашей, которую я на руках носил, а письма присылать прямо у Тульчу на агента французского г. Жуковского с передачей ко мне.

При сем остаюся ваш доброжелатель и покорный слуга

Г а н ь ч е р о в

Месяца мая 24 числа Журиловка

¹ *Жуковский* — майор, польский эмигрант, живший в Тульче. См. о нем ниже, на стр. 180.

² *Кунак* — присутственное место.

³ *Пафнутий* — казанский старообрядческий епископ, сторонник Белокриницкого митрополита. О его приезде в Тульчу В. И. Кельсиев писал в статье «Польские агенты в Цареграде» («Русский вестник», 1870, т. 85, стр. 271).

⁴ *Филоредь* — Филарет Захарович — архидьякон и видный деятель Белокриницкого митрополии. См. о нем в настоящем томе на стр. 216—218.